

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Мы сегодня вновь слышали рассказ о двух дивных чудесах Христовых: об исцелении женщины и о возвращении к жизни умершей девочки. И каждый раз, когда мы слышим эти рассказы, я думаю, что у всех нас сердце наполняется такой благодарностью, такой радостью, что когда-то, когда наш Живой Бог, великий, небесный Бог простым человеком ходил по земле, Божии любовь и милосердие так ласково и так действительно взыскивали всякую человеческую нужду: и голод, и болезнь, и смерть, и грех. И нам часто кажется, что эти времена прошли, что теперь этого не бывает; и в этом мы ошибаемся двояко.

С одной стороны, действительно, по всей земле именем Христовым бывают исцелены телесно люди страждущие, болящие. Сколько раз приходится видеть, что неисцельная болезнь как-то сметена с лица земли, и человек снова здоров, жив, полон крепости. Часто бывает, что этим исцелением, как и тут, в рассказах о кровоточивой женщине и о дочери Иаириной, кроме телесной болезни, еще снимается с глаз людей какая-то пелена, и они видят то, чего раньше видеть не могли: Лик бесконечной, безмерной Божией любви и достигающую до них силу Божию.

А с другой стороны, эти рассказы нам говорят еще о том, что все это могло бы продолжаться и среди нас: не всегда телесно, но душевно, то есть в самом значительном, самом важном, что есть в человеке, если бы только мы поверили в ту ответственность, которую Спаситель нам дал о всем мире и по отношению ко всему. Посмотрим на эти два рассказа коротко.

Иаир был не только в тревоге, но в душевной боли, в ужасе о том, что умирает его маленькая дочь; Христос мгновенно отозвался на его душевное страдание и на его нужду. Он оставил все, чем был занят, чтобы пойти к нему... В одном месте Евангелия Спаситель говорит нам: «Я вам дал пример, как жить, чтобы вы следовали этому примеру...» Вот это первое: встретил нужду, услышал крик душевной боли, узнал о ней – иди, оставив все, чем ты занят ради себя: разговор, чтение, отдых, самое как будто нужное, потому что ты нужен кому-то – иди...

И Христос пошел. Он пришел в дом Иаириных, и там лежала уже умершая девочка; и все знали, что она умерла, и говорили: «Зачем Ты пришел? Мы же знаем, что Ты ничего сделать не можешь!..» Это бывает так часто; встречается – не где-то, а в нашей собственной среде – человек в душевной нужде; и кто-то о нем хочет позаботиться; и сколько он слышит голосов: Зачем? Разве ты не видишь, что ничего сделать нельзя, что ничем этого человека не исправишь? Сколько же лет ты будешь над этим трудиться, пока не поймешь, что это и не нужно и бессмысленно? Так говорили Христу: «Зачем Ты пришел? Чего же Ты от Себя ожидаешь? Умер-

Слово пастыря

ла же эта девочка! Мы это знаем достоверно, наверное знаем!..» И Христос сказал дивные слова: «Она не умерла, она только спит, душа ее заснула...»

Это можно было бы сказать о бесчисленном количестве людей, которых мы встречаем и о которых мы думаем, что умерло в них все: чуткость, человечность, все, чем человек прекрасен, и остается только этому трупу среди нас пребывать. Вспомним тогда слова Спасителя: «Этот человек не умер – задремал; уснула, оконечела его душа; но скажи только Бог живое слово – она проснется!..»

И это слово мы призваны сказать, а не кто-то другой. Пока человек возьмет в свои руки Евангелие и услышит говорящего Самого Спасителя, может пройти много времени, потому что это все написано, напечатано и не живо для человека, который еще не встретил лицом к лицу Живого Христа. Но, когда те же слова, обращенные к нему, другой живой человек, подобный ему, один из нас, скажет из глубины встревоженной души, кровоточащего сердца, сострадания живого, когда он его уверит своим состраданием, что Бог есть любовь, тогда такой человек тоже может ожить... Не станем слушать никого говорящего: «Зачем ты тревожишь Бога, Учителя – ведь она умерла!» Неправда!..

Еще хочу одно сказать: часто среди нуждающихся в душевной помощи есть люди, которые не привыкли к церкви, не привыкли к тому, как в ней себя ведут, как в ней живут, которые пробиваются к Богу непривычными, может быть, не принятыми путями; как эта кровоточивая женщина, которая в толпе коснулась Спасителя, совершив поступок по тому времени недопустимый, как бы осквернив Его своим прикосновением. И Спаситель ей сказал: «Дерзай! Вера твоя спасла тебя!..»

Как нам надо беречься, чтобы, подобно фарисеям, книжникам, людям мертвой буквы, не сказать человеку: Твоя нужда пусть останется с тобой, если ты не можешь подойти к Богу, к нам так, как положено; как ты смеешь к Богу пробиваться таким оскорбляющим наши привычки образом?..

Вот что встает перед моими глазами из этих двух рассказов: благодарная радость Богу, ликование сердца о Нем и строгое предупреждение, что не напрасно Христос нам дал пример, что мы должны ему следовать, должны от него научиться, как встречать тех, кого мудрые, опытные называют уже мертвыми; и как надо относиться к тем, которые от отчаяния своего кидаются к Богу непривычными для нас путями... Подумаем о наших умерших друзьях и отношениях – умерли они или на время потускнели, почли? Вчитайтесь в эту притчу: это притча жизни против смерти, притча надежды против очевидности, притча веры безусловной против нашего глубокого, убивающего неверия... Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

Вопросы священнику

Я работаю на телевидении режиссером. Но чувствую, что нахожусь не на своем месте. Так хочется послужить Господу, снимать фильмы о Нем, о любви к Нему, в общем, о добром, вечном. А я снимаю программы о собаках. Как быть?

К фильмам на религиозные темы надо подходить с большой осторожностью. Истинного образа Христа нет в фильмах. Он невидимо присутствует в Евангелии и церковном богослужении. А в кинофильмах артист надевает на себя маску Христа. Лично для меня кинофильмы и театральные постановки, где персонажем выступает Христос, – это сплошная профанация. Приведу пример. У художника Нестерова есть прекрасные картины, относящиеся к монастырской жизни, которые позволяют нам как бы подышать чистым воздухом молитвы этих монастырей накануне их разрушения. А когда Нестеров и Васнецов пробовали писать иконы, то у них ничего не получалось, кроме искусственной стилизации (за исключением иконы Богоматери и у одного, и у другого). В кинофильмах артист хочет сделать из самого себя икону Христа. Если вы имеете желание снимать фильмы на духовные темы, то лучше взять сюжетом религиозные искания современных людей, с их противоречиями, страданиями, поисками и радостями обретения истины, а не игру в святость. В благодати нельзя играть, благодать нельзя подделывать. Во время революционных смут одному проповеднику разрешили произнести проповедь перед народом,

но чтобы там не было упомянуто имя Бога или Христа. Тот согласился и рассказал о жизни тюремного врача, который посвятил все силы служению несчастным узникам. Он не упомянул ни о Боге, ни о Христе, но в его проповеди незримо присутствовал Христос. Люди почувствовали это и поняли, откуда черпал свои силы врач; они были буквально потрясены подвигом его жизни и величием христианства. Искусство – кроме церковного искусства – душевно; оно может очистить и возвысить чувства человека, но если перейдет границу и захочет говорить от имени духа, то будет – провал. Вы спрашиваете, как найти свой путь. Ваш путь к Богу лежит через ваше собственное сердце – это путь покаяния и молитвы. Старцы говорили: «Не спеши покинуть свое место, пока оно само не выгонит тебя». Поэтому предайтесь воле Божией. Передачи о собаках далеко не худшее из того, что показывает современное телевидение.

В православном храме (Западная Белоруссия) висит католическая икона Иисус Христос с сердцем. Очень этим смущаюсь. Как правильно поступить в данной ситуации?

Картина Иисуса Христа с обнаженным сердцем неприемлема для православных. Она тесно связана с католическим празднованием «пламенного сердца Христа», которое учредили иезуиты. Думаю, что надо в корректной форме побеседовать об этом с настоятелем храма, а если он не послушает, то с архиереем.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«На порицание лучше отвечать кротостию, нежели порицанием. Чистою водою надобно смыть грязь. Грязью грязь не смоешь.

Надобно ли делать зависимым свое спокойствие от мнения человеческого? Если мы поступаем право: слава Богу, и мнение человеческого лишит нас сего не может» (Свт. Филарет, митрополит Московский, 1783-1867).

«Чем обличается человекоугодник? Когда хвалящим его оказывает усердие, а для порицающих бывает недейтелен» (Свт. Василий Великий, 330-379).

«Все, кто тебя обижал, делали для тебя доброе дело, они твои благодетели, а кто хвалил – льстецы» (Игумен Никон (Воробьев), 1894-1963).

«Почитаемый и похвальный превыше достоинства терпит от этого вред. Но тот, кого люди вовсе не хвалят, прославляется Богом» (Неизвестный старец, из «Отечника»).

«Если скажут о тебе что несправедливо, и ты смутишься, то нет в тебе страха Божия» (Прп. Исаия, IV в.).

«Не достоин тот чести, кто ищет чести» (Свт. Тихон Задонский, 1724-1783).

«Если хочешь неосужденно принимать похвалу от людей, прежде возлюби обличение за грехи свои» (Прп. Марк Подвижник, IV-V вв.).

«Изрекший: Да просветится свет ваш пред человеки повелел делу вопиять о себе, а не делающим провозглашать о нем, чтобы и добродетель была славна, и намерение не было укоризненно, избрав доброе не ради человеческой славы, но ради награды от Бога» (Прп. Нил Синайский, IV-V вв.).

«Если непременно желаешь славы, хочешь быть виднее многих и не терпишь быть вторым (ибо и это бывает поводом к зависти), то честолюбие твое, подобно какому-то потоку, направь к приобретению добродетели. Ни под каким видом не желай разбогатеть всяким способом и заслуживать одобрение чем-либо мирским. Ибо это не в твоей воле. Но будь справедлив, целомудрен, благоразумен, мужествен, терпелив в страданиях за благочестие. Таким образом и себя спасешь, и при больших благах приобретешь большую знаменитость, потому что добродетель от нас зависит и может быть приобретаема трудолюбивым, а большое имение, телесная красота и высота сана не от нас зависят» (Свт. Василий Великий, 330-379).

«От души благодарю за арбуз, хотя получил его в растрепанном виде: арбуз разбитый, вся бумага мокрая; почтовая барышня была недовольна: другие пакеты обмочены. Наверно, посылали вы с тщеславием; всегда так бывает, что кто делает с тщеславием – жди бесславия» (Схиигумен Иоанн (Алексеев), 1873-1958).

«Ежели человек сам не оценит своих трудов, тогда оценивает их не только Бог, но и люди, в противном случае противное и бывает. Лучше всегда и во всем трудиться Бога ради и ради славы Божией, а не ради славы своей. Слава земная маловременна и скоропреходяща, а слава от Бога вечна и бесконечна.

Кто сам захочет чести, тот будет получать одно только бесчестие и с этим сопряженную скорбь» (Прп. Амвросий Оптинский, 1812-1891).

Новости Православия

10.11.2013. Участники парусной экспедиции строят православную

церковь в Австралии. Участники уникальной парусной экспедиции вокруг Австралии на реплике древнеславянской ладьи «Русич» приняли участие в строительстве православного храма Воскресения Господня, сообщает «Благовест-Инфо».

11.11.2013. Половина россиян считает, что президент страны должен быть православным. 50% россиян считают, что президент России не может исповедовать другую религию, кроме православия, 14% допускают такую возможность, а для 29% вероисповедание не имеет значения. Такие данные опроса ВЦИОМ привел гендиректор центра Валерий Федоров накануне на конференции «Триумф и крушение империи: уроки истории» в «Манеже» в рамках XII выставки-форума «Православная Русь. Романовы», передает Интерфакс-Религия.

12.11.2013. Митрополит Волоколамский Иларион встретился с Папой Римским Франциском. В Ватикане состоялась встреча председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона с Папой Римским Франциском. Митрополит Иларион передал Предстоятелю Римско-Католической Церкви приветствия и благопожелания от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В ходе встречи, прошедшей в обстановке взаимопонимания, стороны обсудили различные вопросы православно-католических отношений, сообщает Служба коммуникации ОВЦС.

15.11.2013. Военный священник в подрыснике пробежал Афинский классический марафон. «Я хотел показать, что Церковь всегда живет со своим народом и присутствует на всех мероприятиях: от общественных до спортивных. Именно поэтому я и принял участие в этом марафоне. Было видно, что народу это понравилось: где я ни пробежал – везде мне аплодировали больше, чем другим участникам. Некоторые просили молитв. И я молился во время бега!» Священник взял благословение на участие в состязании у митрополита Флоринии, Преспона и Зордеи, который поддержал решение клирика бежать дистанцию в подрыснике. «Я побегал в подрыснике, поскольку именно так я смог направить то послание, которое хотел», – объяснил священник.

«Страна чудес»
и другие рассказы
протоиерея Андрея Жначева

Продолжение

Приезжавшие были из умников. Причем чаще – из столичных умников. Это были бородачи в вязаных свитерах, очкарики в плохо выглаженных рубашках, шальные божественные интеллектуалки с обгрызенными ногтями. У себя дома на кухне, в клубах табачного дыма под чай с коньяком они спорили о превосходстве Исаака Сирина над Франциском Ассизским. Многие, вопреки начитанности, были некрещеными. Пойти в любую церковь к любому батюшке им казалось непозволительным. Поэтому, если разговор касался крещения, звучало часто: «Езжай к отцу Станиславу». Затем назывался город и перечислялись удобные способы путешествия.

* * *

Отец Станислав всех принимал, хотя никого не ждал, и к приезжавшим относился сдержанно, без напускной радости. К ритуалу гостеприимства относился обед или ужин, в зависимости от времени визита. Потом долгие разговоры за полночь. Утром служба. Вечером он провожал гостя на вокзал. Сразу никого не крестил. Только во второй или третий приезд. По дороге на поезд всегда останавливались в небольшом кафе для прощальной беседы. Это был своего рода экзамен. Они садились за столик у окна, и официантка без лишних просьб приносила чай, орешки, конфеты, два куска торта.

Разговоры бывали разные. Могли спорить на исторические темы, могли обсуждать толкования на священные тексты, разбирали богослужение, размышляли о смерти. Примерно через полчаса, когда чай уже остыл или был выпит, торт съеден, а от конфет остались обертки, отец Станислав начинал суетиться. Он считал остатки с обоих блюдец в одно, собирал фантики, сдувал со стола крошки. Он пододвигал посуду к краю стола, чтобы официантке было легче убирать. Он делал это, не переставая слушать собеседника, и вовремя отпускал реплики по поводу Вселенских Соборов, влияния платонизма на богословие, важности Великого поста. Бывало, что увлеченный беседой гость говорил собирающему блюдца священнику: «Да бросьте, отче. Она сама уберет». Это и был главный момент в экзамене.

* * *

Расплатившись и выйдя на улицу, они медленно шли к вокзалу с красной черепичной крышей. Уже на перроне, под звук молоточков, которыми обходчики обстукивали колеса, священник говорил гостю: «Рано вам пока креститься, Вы людей не цените и не замечаете. Если покреститесь, будете фарисеем. А это плохо. Они Бога убили». Затем следовало рукопожатие, и ошарашенный гость провожал взглядом удалявшегося священника. Тот шел медленно, немного сутулился и, кажется, чуть хромал. Такие истории происходили несколько раз. В конце восьмидесятых поток приезжавших заметно уменьшился. Отец Станислав об этом не жалел. Даже немножко радовался. Молиться за людей он не переставал, а лагерный опыт научил его навсегда той истине, что молитва за людей приносит больше плодов, чем устное наставление.

Отец Василий

Его палата находилась почти в конце коридора. Выход

из лифта, поворот налево, двадцать шагов по свежесмытому линолеуму мимо столика дежурной медсестры, осторожный стук в дверь, и вот мы уже в палате. Кроме отца Василия, больных в палате нет. Есть только стойкий запах лекарств, какое-то питье на тумбочке и огромное окно во всю стену.

Мало того, что новая больница весьма высока и мы находимся на одном из последних ее этажей, она еще и построена на горе. Отсюда был бы виден весь город, вырасти она где-нибудь поближе к центру. А так, на окраине, из окон ее верхних этажей видны только новостройки «конца географии» да загородные поля.

Я помню вид из подобного окна в другой палате этой же самой больницы. Там за окном тогда было страшно много ворон. Они облепливали крыши домов напротив и голые ветки деревьев и какое-то время сидели молча. А потом вдруг, как по сигналу, с истошным карканьем поднимались в воздух, принимали вид большого, колышущегося живого ковра и носились с полминуты в сыром осеннем воздухе, чтобы облепить затем другие крыши и другие деревья. Можно было подумать, что Хичкок за окнами командует вороньем на съемках своего знаменитого триллера. И это выглядело мистично, тем более что в палате лежал тогда человек с очень серьезным недугом и будущее было в тумане, и мы оба – больной человек и я – молчали, следя за перемещениями в воздухе черного каркающего живого ковра.

А в тот день в палате у отца Василия ворон за окном не было. За окном вообще не было ничего, и само окно было черным, как огромный экран плазменного телевизора, потому что на часах уже было восемь вечера и был ноябрь. Нас было трое: двое пономарей храма, где служил отец Василий, и семинарист, приехавший домой на пару дней. – Благословите, отче, – сказали мы, окружив кровать. – Бог благословит, – сказал священник, и было видно, что слова дались ему с трудом, что губы запеклись и прилипли к пожелтевшим зубам, что весь он высох и как бы уменьшился в размерах и что особой радости своим посещением мы священнику не доставили.

Пока один выкладывал на тумбочку апельсины, другой рассказывал о новостях в храме, о том, что прихожане молятся о больном священнике, что на последней службе причастников было так много, что пришлось причащать из трех чаш. Отец Василий пытался улыбнуться, пытался придать лицу выражение заинтересованности. Но у него это плохо получалось. А мы были слишком глупы и слишком «добродетельны», чтобы понять простую вещь: элементарное человеколюбие требует, чтобы мы немедленно ушли. Ушли и оставили человека наедине с болью, со стонами, рожденными болью, с мыслями о смерти, с молитвами, произносимыми шепотом. Но мы тогда исполняли заповедь «болен был, и посетили Меня», поэтому сидеть собирались долго, хоть это и мучило больного.

Когда новости были рассказаны, а молчание стало тягостным, я, словно дополняя меру благочестивого безумия, брякнул:

– Вы, отче, здесь молитесь?

Он повернул голову в мою сторону и посмотрел на меня таким же теплым взглядом, как смотрел мой дед, и сказал тихо:

– Без молитвы, сынок, можно с ума сойти.

Эти слова стоят дорого. Очень дорого. Я часто перетряхиваю пыльный хлам воспоминаний и не могу похва-

литься, что в архивной папке с надписью «Былое и думы» у меня много таких сокровищ.

И я любил отца Василия. Любил потому, что он был похож на покойного дедушку. Такой же высокий, смуглый, крепкий в кости. С открытой душой и красивым лицом. Любил потому, что молился он как-то особенно искренне. Настолько искренне, что даже попы (а попы редко хвалят попов, уж поверьте мне) говорили о нем: «Он с Богом разговаривает». Правда, тут же, рядом, они не забывали вспомнить, что видели его как-то в Великую Пятницу пьяным и что бывает он временами груб и так далее. Все это произносилось «как бы» не в осуждение, а беспристрастной правды ради, и не со злобой, а с чувством объективности и со вздохом: мол, все мы грешные. Но образ отца Василия в моих глазах не мерк и не загрязнялся. Зато те, кто это говорил, в моих глазах становились ниже, словно слезили со стульчика на заднем плане групповой фотографии.

Ну и что, что видели его пьяным? Его и с сигаретой могли увидеть. Но дедушка мой тоже курил, а люблю я его от этого не меньше. Он курил по полторы-две пачки сигарет без фильтра, которые назывались «Аврора». Он курил их одну за одной и поминутно повторял краткую фразу, смысл которой я уразумел много лет спустя, после его смерти. «Господи Иисусе Христе, прости мою душу грешную», – говорил мой дедушка. Даже за однажды сказанные эти слова я простил бы ему все выкуренные сигареты, а он не однажды, а постоянно твердил их шепотом.

Отец Василий был лучшим священником, которого я знал. И обидный кошмар ситуации заключается в том, что я почти не знал его, вернее, знал очень мало. Он любил Почаев, потому что при Польше учился там в семинарии. Каждый год по несколько раз он ездил туда помолиться. Однажды я бегал после службы в автобусную кассу ему за билетом, а билетов не было, и я вернулся взмыленный и ужасно расстроенный. Он тогда улыбнулся и сказал: «Ничего. Попрошу сына, он завезет».

Выходя после литургии на улицу и видя нас, пономарей, заваривающих чай в пономарке, он спрашивал: «А что будет после ча-а-а-ю?» И сам же отвечал: «Воскресение мертвых».

Однажды на вечерней службе, когда была его чередой служения, я читал Шестопсалмие. Потом вошел в алтарь, и он похвалил меня за то, что читал я громко и четко выговаривал слова. А потом разговорился, стал вспоминать монахов, которых знал, говорил, что они самые счастливые люди, если только по-настоящему монашествуют. А я, говорит, всю жизнь хотел и Богу, и жинке угодить. Вот умирать скоро, а и Богу не угодил, и жинка вечно недовольна.

Еще вспоминал, что один старый монах в Почаеве говорил ему после окончания семинарии: «Вот, Васенька, доброму тебя научили, плохому ты сам научишься».

Вот вроде бы и все, что я знаю. Этого мало, чтобы любить человека. Мало в том случае, если любишь «за что-то». А если не «за», а просто, тогда – очень даже много. Да это и не все. Я помню, как он крикнул на людей во время проповеди. Они шушукались, а он треснул по аналогу своей широкой ладонью и гаркнул: «Горе имеим сердца!»

Ни брехливых, ни слезливых проповедей он, в отличие от многих, не рассказывал!

Продолжение следует

П р а в о с л а в н ы й к а л е н д а р ь

17 ноя., вс. – Неделя 21-я по Пятидесятнице. Прп. Иоанникия Великого (846). Сщмчч. Никандра, еп. Мирского, и Ермея пресвитера (I). Прп. Меркурия Печерского (XIV). Блж. Симона, Христа ради юродивого, Юрьевецкого (1584). Прп. Никандра (XVI).

18 ноя., пн. – Мчч. Галактиона и Епистимии (III). Свт. Ионы, архиеп. Новгородского (1470). Свт. Тихона, патриарха Московского и всея Руси (избрание 1917).

19 ноя., вт. – Свт. Павла исп., патриарха Константинопольского (350). Прп. Варлаама Хутынского (1192). Прп. Луки Тавроменийского (800-820). Прп. Луки, эконома Печерского (XIII). Свт. Германа, архиеп. Казанского (1567). Прп. Варлаама Керетского (XVI).

20 ноя., ср. – Мучеников в Мелитине Иерона, Исихия, Никандра, и прочих (III). Прп. Лазаря Галисийского (1053). Мч. Феодота корчемника (303). Мчч. Меласиппа и Касинии и сына их Антонина (363). Обретение мощей прп. Кирилла Новоезерского (Новгородского) (1649).

21 ноя., чт. – Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Архангелов Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила, Варахиила и Иеремиила.

22 ноя., пт. – Мчч. Онисифора и Порфирия (ок. 284-305). Прп. Матроны (ок. 492). Прп. Феоктисты (881). Мч. Александра Солунского (IV). Мч. Антония (V). Прп. Иоанна Колова (V). Свт. Нектария, митр. Пентапольского, Эгинского чудотворца (1920).

23 ноя., сб. – Апп. от 70-ти Ераста, Олимпа, Родиона, Сосипатра, Куарта (Кварта) и Тертия (I). Мч. Ореста врача (304). Сщмч. Милия, еп. Персидского, и двух учеников его (341).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97.

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Манойлова, 57. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!